

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ



INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY



ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

63

DIALOGUE WITH TIME

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

А. П. Килин

АВТОБИОГРАФИЯ КАК СРЕДСТВО РЕАБИЛИТАЦИИ НА МАТЕРИАЛАХ ЛИЧНЫХ ДЕЛ «ЛИШЕНЦЕВ»¹

В раннесоветском обществе инструментом дискриминации по признаку профессиональной деятельности являлось лишение избирательных прав граждан, занимающихся торговлей. Занятие легальной формой деятельности приводило к нисходящей социальной мобильности индивида, а потребность в реабилитации была насущной необходимостью, условием выживания торговца и членов его семьи. Личное дело «лишенца» – результат документирования процесса восстановления в избирательных правах. Анализ делопроизводственных автобиографий, которые содержатся в личном деле, позволяет не только воссоздать социальный портрет человека той эпохи, но и выявить уникальные, порой трагические эпизоды биографий людей, которым суждено было жить в «эпоху перемен».

Ключевые слова: Урал, нэп, ограничение избирательных прав, личное дело, автобиография, частные предприниматели, социальная мобильность, реабилитация

Социальное конструирование в раннесоветском обществе представляло собой сочетание противоречивых процессов, что приводило к восходящей и нисходящей социальной мобильности различных групп населения. Основанием для дискриминации могли служить как новации («кто был ничем, тот станет всем»), так и традиции, укоренившиеся в российском обществе. Торговля воспринималась значительной частью населения как криминальная по своей природе деятельность, что в условиях «диктатуры пролетариата» оформлялось в виде постулата и находило отражение в идеологической доктрине. В результате значительная часть населения подвергалась дискриминации и была вынуждена прибегать к процедуре восстановления своих гражданских прав. Целью данной статьи является рассмотрение механизмов реабилитации на материалах личных дел граждан, лишенных избирательных прав за занятие торговлей.

Торговля как маргинальный вид деятельности. При изучении частного торгового предпринимательства в 1920-е гг. мы неизбежно сталкиваемся как с дефицитом источников, так и с тенденциозностью материалов. Негативное отношение к торговле как к второстепенному виду деятельности, в котором не происходит создание материальных благ, как к посреднической деятельности, основанной на злоупотреб-

¹ Исследование выполнено в рамках реализации проекта Российского научного фонда № 16–18–10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»

лениях, обмане и спекуляции – не является исключительно советской традицией. Известный американский экономист А. Гершенкрон, пытаясь отделить «зерна от плевел», предпринимателей от торговцев, по сути, подтверждает этот вывод. Система его аргументации строится на характере взаимоотношений с клиентами: «Контакты между торговцами и их покупателями были мимолетными и заканчивались сразу же после заключения сделки <...> Стабильность интересов предпринимателей; прочные отношения с покупателями <...> обусловили формирование гораздо более честного отношения предпринимателей к своим клиентам». Он считает, что «в общественном сознании само понятие “обман” прочно ассоциировалось с торговлей и торговцами, что отражается даже в этимологии этого слова в различных языках» и приводит следующие примеры: в немецком языке “taushen” – обменивать и “täuschen” – обманывать, во французском “truc” – трюк, трюкачество и “troc” – бартер, меновая торговля. «В русском языке есть весьма популярная пословица, которая советует: “Не обманешь – не продашь”. Эта пословица емко сформулировала истину, которая многократно повторялась, начиная со времен книги Экклезиаста»².

Еще более радикальной выглядит точка зрения основателя английской политэкономии Уильяма Петти (1623–1687), который отмечал следующее: «Торговля не процветает (как думают некоторые) более всего там, где правительство опирается на единую народную религию, но что, скорее, торговля ведется наиболее энергично во всех государствах и при всех правительствах сектантской частью населения и теми, кто исповедует идеи, отличные от государственно признанных... В той части Европы, в которой римско-католическая религия является сейчас или недавно была государственно признанной, три четверти всей торговли находятся в руках тех, кто отделился от этой церкви»³. В подтверждение этих слов мы находим негативные оценки российского дореволюционного предпринимательства в мемуарах современников и художественных произведениях, например, в пьесе «Вишневый сад» А.П. Чехова. Факты откровенного фрондерства нарождающейся российской буржуазии также не единичны⁴.

После революции представители частной торговли оказались в числе классовых врагов по идеологическим причинам, а тотальный дефицит усугубил негативное отношение покупателей к продавцам. Даже в период новой экономической политики, когда были созданы условия для легализации частного предпринимательства, оно никогда не рассматривалось как социально значимый вид деятельности, сопо-

² Гершенкрон 2015. С. 250–251.

³ Петти 1940. С. 168.

⁴ Килин 1995.

ставимый по своему статусу с централизованной распределительной системой. Государство, активно использовавшее потенциал частного рынка, ставило его в особые условия по сравнению с обобщественным сектором (налогообложение, аренда, прямое администрирование), по сути, подвергало дискриминации⁵. Парадокс ситуации заключался в том, что в эту неблагоприятную, а по некоторым оценкам преступную сферу деятельности вольно или невольно были вовлечены широкие слои населения. Для того чтобы применять репрессивные меры к «нэпманам», среди миллионов граждан, вовлеченных в торговое посредничество, необходимо было выделять профессиональных торговцев, использующих наемную силу, отделив их от тех, кто занимался торговлей вынужденно и временно, вычленив пролетарские слои населения, вовлеченные в торговлю в поисках дополнительного заработка.

Торговля в условиях дефицита товаров повседневного спроса переставала быть профессией, превращаясь в образ жизни, в способ адаптации, дающий шанс на выживание, т.е. становилась массовой сферой деятельности и «депрофессионализировалась». В экстремальных условиях, когда традиционные системы производства и распределения давали сбой, происходил процесс обратный общественному разделению труда, фактически – регресс, а гражданин был вынужден примеривать на себя роли не только потребителя и производителя, но и торгового посредника. Американский журналист Томас Ремингтон, сообщал, что в период военного коммунизма шуткой дня была фраза: «Национализация торговли означает, что весь народ торгует»⁶.

Личное дело «лишенца» как источник. Одним из методов классовой борьбы в условиях новой экономической политики являлось внесудебное ограничение в гражданских правах части населения и формирование социального слоя «лишенцев». В их состав, среди прочих, входили частные торговцы, которые, являясь представителями наиболее экономически активной части населения, в политической сфере находились на положении маргиналов. Документирование этих процессов позволило сформировать значительный информационный массив, основу которого составляют личные дела граждан, возбужденных ходатайство о восстановлении в избирательных правах⁷.

Личное дело включает в себя комплекс документов, с точки зрения членов избирательной комиссии необходимых и достаточных для вынесения решения о восстановлении гражданина в избирательных правах, либо об отказе в восстановлении. На основе принципа проис-

⁵ Килин 1995. С. 35–48.

⁶ Ball 1990. P. 148

⁷ Для краткости эту категорию граждан называли «лишенцами», что, несомненно, подразумевало негативную коннотацию. Идя вслед за источником, мы используем этот термин, но считаем целесообразным помещать его в кавычки.

хождения и по тематическому признаку весь комплекс документов, содержащихся в личном деле, можно подразделить на несколько групп:

- 1) заявление (жалоба, прошение, обращение) гражданина;
- 2) сопроводительные документы, собранные и представленные самим заявителем, призванные подтвердить изложенные им в заявлении факты;
- 3) материалы избирательной комиссии (решения, выписки из протоколов, запросы в сторонние организации, анкеты);
- 4) документы сторонних организаций, собранные по инициативе избирательной комиссии (характеристики и рекомендации, финансово-хозяйственные документы, медицинские справки и акты освидетельствования пациента, материалы кадрового делопроизводства, копии записей актов гражданского состояния).

Автобиографии в структуре личного дела. Особый интерес представляют заявления граждан, которые передает прямую речь человека, отражают его индивидуальные черты, содержат сведения о его жизни, позволяют судить о декларируемых ими ценностях. В заявлениях обязательно присутствуют автобиографические сведения, при этом автобиографии встречаются крайне редко. Всего было выявлено десять автобиографий, в качестве отдельных документов с соответствующим заголовком, из двухсот восьмидесяти семи проанализированных нами личных дел «лишенцев»⁸. Таким образом, содержащиеся в личном деле «лишенца» сведения о судьбе человека можно подразделить на автобиографии и автобиографические данные.

Автобиография – это отдельный документ, представленный в виде развернутого текста, имеющий традиционную структуру и несколько линий повествования. В заявлении гражданина обязательно присутствует ссылка на автобиографию как приложение. Автобиографии встречаются редко и не являются массовым источником.

Автобиографические данные, в отличие от автобиографии, включены в состав личного заявления гражданина. Эти сведения более отрывочны и не сбалансированы, сосредотачивают внимание адресата на сюжетной линии, связанной с торговлей. Биографические данные являются обязательным элементом, необходимым для вынесения окончательного решения членами избирательной комиссии, служат основным аргументом заявителя в пользу своей позиции, поэтому присутствуют

⁸ Эти дела были выявлены в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО) при помощи различных методов. В фонде Облисполкома, в делах Областной избирательной комиссии, по алфавиту нами были заказаны около 800 дел, на основе 179 дел были составлены формализованные анкеты. В фондах Екатеринбургского губернского суда и Свердловского областного суда хранятся судебные дела, в которых в качестве свидетелей или обвиняемых упоминались частные предприниматели и, соответственно, эти фамилии сопоставлялись с описью личных дел лишенцев. Это дало еще 98 единиц. Еще один прием нестрогой выборки заключался в том, что были изучены все личные дела однофамильцев (20 дел), среди которых были обнаружены дела бывших торговцев.

практически во всех «комплектных» личных делах. В силу широкого распространения они могут быть отнесены к массовым источникам.

Проследившая эволюцию автобиографических сочинений в мировой истории, Ю.П. Зарецкий отмечает важность автобиографии как формы осознания человеком его жизни. «В этом смысле история автобиографии является главным свидетельством развития самосознания. Это самосознание приобретает различные формы в соответствии с той или иной эпохой, той или иной конкретной личностью и ситуацией, в которой эта личность находится. История автобиографии, таким образом, оказывается отражением изменений в структуре индивидуально-го самосознания от одной эпохи к другой»⁹.

Структура автобиографии. Основным историческим источником в нашем исследовании является «делопроизводственная биография», которая формируясь под воздействием внешних формальных требований, создается с целью реализации определенных прав гражданина, что и предопределяет её структуру и содержание¹⁰. В основу изложения материала положен хронологический принцип, поэтому структура автобиографии вполне традиционна. Однако ее содержание не исчерпывается последовательным изложением событий. В текстах автобиографий можно выделить три линии повествования.

Первая, «историческая», построена на описании наиболее значимых событий и соответствует общепринятой периодизации (до октября 1917 г., годы гражданской войны, период нэпа и на стадии его свертывания), заданной содержанием анкет, которые предлагали заполнить заявителям. Отдельные исторические события могли занимать достаточно большое место в биографии человека, а могли игнорироваться в зависимости от того, насколько активно он был в них включен.

«Личностная» линия построена на описании собственно биографии гражданина, что позволяет говорить о темпоральности, которая П. Бергером и Т. Лукманом рассматривается как атрибут сознания. «Поток сознания всегда упорядочен во времени», – отмечают авторы, рассматривая эту категорию на личном примере: «Темпоральная структура налагает предустановленную последовательность не только на «повестку» любого дня, но и на всю мою биографию. В рамках системы координат, установленной темпоральной структурой, я воспринимаю как ежедневный «ритуал», так и всю мою биографию. Часы и календарь подтверждают, что я в самом деле «человек своего времени»... Кроме того, та же темпоральная структура предполагает историчность, которая определяет мою ситуацию в мире повседневной жизни»¹¹. Эта ли-

⁹ Зарецкий 2011. С. 237.

¹⁰ Субъективность и идентичность...

¹¹ Бергман, Лукман 1995. С. 51.

ния отражает этапы жизненного цикла человека: детство, юность, взросление, зрелость, старость. За основу берутся значимые с точки зрения «лишеница» события: рождение и связанное с ним социальное происхождение; учеба и, соответственно, уровень образования и политической грамотности; вступление в брак, семейное положение как фактор социального окружения и стимул к труду (особенно для глав семьи с большим количеством иждивенцев); служба в армии (царской, белой, красной) с различными, порой взаимоисключающими оценочными характеристиками этого периода жизни и т. п.

Наиболее детально описывается «сюжетная линия», в которой излагаются обстоятельства, связанные со статусом торговца (причины начала и прекращения торговли, ее характер), а также лишение избирательных прав и его последствия. Таким образом, в основу этой линии положен факт торговли (до торговли, во время нее и после ее окончания). В этом контексте особое внимание обращается на отдельные факты биографии, которые заявитель стремился использовать в свою пользу, для оправдания своего поведения (безработица, болезнь, инвалидность, миграция и т.п.). Эти три линии, переплетаясь друг с другом, прослеживаются в материалах личных дел довольно отчетливо.

Отметим ряд особенностей, характерных как для отдельных социальных групп, так и при описании ряда сюжетов всеми заявителями.

На дооктябрьский период делается акцент в биографиях национальных меньшинств («кинородцев», «нацменов») и представителей не православных конфессий («иноверцев»). В большинстве биографий этот период рассматривается как пример тягот, связанных как с этническим, так и с пролетарским происхождением автора, как время жесткой эксплуатации со стороны представителей имущих классов (купца, владельца магазина и т.п.). Эти сюжеты призваны продемонстрировать низкий социальный статус или оппозиционность гражданина при «царском режиме», доказать факты дискриминации.

Порой революция и гражданская война уходят на второй план или совсем исчезают из поля зрения автора, который говорит только о тех обстоятельствах, которые непосредственно касаются его лично. В рассмотренных нами делах практически «прозрачными» являются революционные события 1917 г., сюжеты, связанные со сменой власти, так как заявители были слабо вовлечены в эти процессы. Единственное событие, которое достаточно часто упоминается и которое можно отнести на счет уральской специфики, это описание отхода войск Колчака. Наибольшее значение в биографии гражданина имеют события, которые служат основанием для восстановления в избирательных правах (служба в Красной армии, пятилетний стаж трудовой деятельности после окончания торговли, членство в профсоюзе). Эти факты биографии призваны продемонстрировать лояльность гражданина к Советской

власти, при этом подчеркнув незаслуженное ограничение его в правах как «лишенца». Такая подача материала должна была продемонстрировать противоречивость и явную несправедливость, при которой человек сохранял низкий социальный статус как до, так и после октября 1917 г.

Этот прием можно рассматривать как манипуляцию, способ психологического давления на членов избирательной комиссии. Противопоставление с дореволюционным прошлым было изблюбленным приемом официальной пропаганды, и любые сравнения не в пользу нового строя могли рассматриваться как скрытая форма протеста. Оппозиционность официальной власти подчеркивалась авторами при описании событий, относящихся к дореволюционному периоду, напротив лояльность Советской власти была отправной точкой при изложении материала «советского периода». По этой схеме «минусы» до 1917 г. должны были трансформироваться в «плюсы» после октября 1917 г.

Примечательно, что особый акцент, как со стороны заявителей, так и со стороны членов избирательной комиссии, делался на оценке «лояльности» гражданина, хотя точность определения этой категории порой оспаривается. Павел Иванович Перевощиков в своем заявлении отмечает: *«Президиум Четвертого Райсовета по моему ходатайству о восстановлении в правах гражданства отказал, мотивируя, что я не проявил лояльности к советской власти, как я ее мог проявить и выставить на вид, чтоб об этом знали члены комиссии, я не знаю. Я знаю, что вообще честно работал, нигде взысканиям и выговорам не подвергался, хотя как инвалид первой группы, освобожденный экспертизой на один год от работы, я все же продолжал работать»*¹².

При анализе биографий обращает на себя внимание сочетание высокой динамики исторических изменений и статичности жизненной траектории, «пробуксовка» судьбы человека. С одной стороны, за короткий промежуток времени, буквально за несколько десятилетий перед нами разворачивается калейдоскоп исторических событий, которых с избытком хватило бы на несколько человеческих жизней. С другой стороны, все эти изменения не приводят к положительной динамике, карьерному росту, развитию личности. Этот вывод вытекает из специфики данного типа источника – личного дела «лишенца», поскольку очевидно, что рассмотрение наградных материалов этого периода, позволило бы нарисовать более оптимистическую историческую картину.

Порой наивысший уровень социально одобряемого поведения авторы биографий напрямую связывают с пролетарским происхождением (родился в бедной крестьянской семье, сын пролетария), т.е. с событиями до октября 1917 г., по сути, с тем периодом, когда от самого заявителя ничего не зависело. В советский период можно говорить о поло-

¹² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 6013. Л. 3.

жительной динамике, связанной с обучением, трудовой деятельностью или службой в Красной армии. 1920-е годы описываются в предельно драматических тонах, схожих с оценками, которые в современной публицистике применяются к «лихим девяностым». Экономическое и отчасти идеологическое разнообразие, ослабление государственного регулирования, уклонение власти от выполнения функций, которые она не в состоянии была выполнять из-за дефицита ресурсов, предопределяли необходимость выбора и создавали почву для хозяйственной автономии личности. Бремя выбора всегда тяжело, а к экономической самостоятельности не все были готовы. Сделав осознанный, основанный на здравом смысле выбор в пользу материального благополучия членов своей семьи и став частным предпринимателем, человек совершал «политическую ошибку». Таким образом, рациональное экономическое поведение представлялось иррациональным в идеологической системе координат и символизировало «грехопадение» гражданина.

Процесс реабилитации. Следствием дискриминации гражданина являлся процесс нисходящей социальной мобильности, а в ситуации, когда он не примирился со своим маргинальным статусом, он мог реализовать механизм реабилитации. С точки зрения права под реабилитацией понимается официальное восстановление в прежних правах, восстановление чести и репутации опороченного лица. В этом контексте восстановление в избирательных правах рассматривается как возможность возвращения к прежнему социальному статусу, к ситуации status quo, что означает замкнутость жизненной траектории, поскольку в ней отсутствует положительная динамика.

В заявлении Семена Ильича Шишалова говорится: *«За то, что я торговал, меня лишили избирательных прав. По закону лишение произведено правильно. Но ввиду того, что торговля, в сущности, мне ничего не дала, торговцем я был ничтожным, незначительным, то на такую профессию меня толкнула жизнь, а не корысть <...> что решительно ничего не имею, что в жизни своей я перенес очень многое и по справедливости, в настоящий период торжества трудящихся, я первый должен был бы быть на пиру, но я по незнанию, политической неграмотности это свое первородство променял на чечевичную похлебку, пошел торговать, опять-таки, я повторяю, меня толкнуло [на] это тяжелое материальное положение и возвращенье выгодным предложеньем, что я считаю безвинным, так как закон разрешает заниматься этим делом, что вину эту свою я осознал и больше на этот путь не вернусь. <...> Мой послужной формуляр не блещет заслугами, но моя жизнь, зато, полна страданий и, может быть, вы к моим страданиям отнесетесь с пролетарской чуткостью и мое ошибочное отступление зачеркаете, приняв меня в ряды и семью трудящихся»¹³.*

Использование образов «искушения» и «грехопадения», наличие религиозных мотивов в заявлениях можно объяснить как характером

¹³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 9181. Л. 2–2 об.

дореволюционного образования, так и сложившейся устной традицией, которая в столь короткий срок не могла быть в полной мере замещена новым «советским» языком. Возможно, что, по мнению авторов биографий, жанр покаяния или исповеди подразумевал именно такую лексику. Терминология зачастую заимствовалась из речей партийных лидеров, широко распространяемых через периодическую печать. Так, о «пролетарском первородстве» говорил Н. Бухарин, описывая перспективы сосуществования советской экономики и мирового хозяйства¹⁴.

Одним из аргументов, способствующих реабилитации, могло служить то, что «настоящими» торговцами заявители не являлись. Были ли это прием манипуляции или искреннее заблуждение, судить сложно. Тексты биографий свидетельствуют о проблеме профессиональной самоидентификации граждан, так как быть торговцем для них означало не только относиться к определенной профессиональной группе. Как правило, под термином «торговец» подразумевалось нечто большее. Даже признавая сам факт торговли, гражданин дистанцировался от слоя профессиональных торговцев, крайне негативно характеризую своих коллег по цеху. В сводках ОГПУ по Тобольскому округу находим пример градации продавцов на «торговцев» и «торгашей»:

«В деятельности частной торговли, вольного рынка можно отметить, что сами торговцы указывают на большое развитие торгашей, которых распространилось больше, чем покупателей, и говорят, что с таким ростом торговцев, продавать товар будет некому»¹⁵.

Даже выбирая патент на занятие торговлей, заявители могли не отождествлять себя с торговцами на законных основаниях, например, когда сотрудники финансовых органов вынуждали брать патент крестьянина, который реализовывал на рынке продукцию своего хозяйства. Грань между профессионалами и людьми, занимающимися торговлей в качестве дополнительного промысла, была весьма условна, поэтому предлагалось использовать при отделении «настоящих» торговцев от «ненастоящих» факт эксплуатации чужого труда. В этом приеме выражалось стремление избежать дискриминации исключительно по профессиональному признаку. В заявлении одного из «лишенцев» читаем: *«Лишить избирательного права настоящего нэпмана, это другое дело. Настоящий нэпман живет исключительно спекуляцией чужого труда»¹⁶.* Примечательно «переключение» термина «спекуляция» с перепродажи товаров на использование наемного труда.

Конструируя новый образ: позитивный и негативный стандарт поведения. Стремление дистанцироваться от торговой деятельно-

¹⁴ Бухарин 1988. С. 333.

¹⁵ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Л. 110.

¹⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 27.

сти вынуждало заявителя ориентироваться на образ нового, советского человека. Как известно, революция влечет за собой радикальную трансформацию социальной структуры общества, порождает конфронтационное мышление и детерминирует процесс формирования собственной идентичности, основанной на противопоставлении старого и нового, добра и зла, героя и антигероя. В идеологии большевизма странным образом сочетались детерминизм, фатум, рок, обусловленный социальным происхождением индивидуума, с одной стороны, и концепция формирования нового человека, предусматривающая возможность социального, классового перерождения, с другой. Это создавало объективные предпосылки для конфликта, явных и скрытых противоречий в различных сферах общества. По мнению Гершенкрона:

«Советская идеология не высечена из монолитной глыбы однородных и непротиворечивых принципов. В ходе длительного процесса... марксистская идеология революционного периода... претерпела существенную эволюцию. В результате, в условиях изменившейся ситуации и под воздействием специфических интересов диктатуры по сохранению власти, прежние термины стали объединять в себе самые несовместимые и противоречивые понятия. ...В одной и той же доктрине мысль о главенствующей роли объективных исторических закономерностей уживается с низкопоклонническим прославлением личности Сталина; идеология интернационализма сосуществует с ярким российским национализмом; ...характерный для марксизма акцент на всеобщем равенстве больше не является препятствием для проведения политики, предусматривающей огромную дифференциацию в размерах заработной платы»¹⁷.

«Лишенцы», формируя свой образ, были далеки от масштабных обобщений и анализа противоречий идеологической доктрины, а ориентировались на эталон «советского человека», который находил отражение в массовой информации и в пропаганде. Если попытаться его описать, то это был гражданин, имеющий безукоризненное пролетарское происхождение, незапятнанную биографию и выдающиеся личностные характеристики, идеологически выдержанный, наделенный всей полнотой прав, принимающий активное участие в строительстве социализма, работающий в обобщественном секторе хозяйства и не опасющийся стать безработным, – все это дает основание для включения его в систему централизованного распределения материальных и культурных благ. Идеал, который брался за основу при конструировании образа нового человека, в действительности не существовал, поэтому возникал еще один конфликт, порожденный несоответствием между ожидаемым и реальным положением вещей, предопределенный осознанием «лишенцем» своего несовершенства и неполноценности.

Противоположный прием используют некоторые авторы, соотнося свою биографию с судьбой «антигероя» («бывший», «контрреволю-

¹⁷ Гершенкрон 2015. С. 275.

ционер», «нэпман» и т.п.), образ которого, в отличие от героя, не был столь абстрактен и недостижим. Порой это были близкие заявителю люди, на которых он переносил часть ответственности за свое «грехопадение». В автобиографиях прослеживается стремление гражданина дистанцироваться от членов своей семьи (родители, жена, муж), особенно тех, кто занимался торговлей. Востров Александр Петрович писал:

«Лишен же я избирательных прав только потому, что бывшая жена моя – К.Н. Вострова, с которой я уже три года не живу и формально разведен с 1927 г. (см. справку ЗАГСа), и которая теперь уже несколько лет снова вышла замуж за другого, и не живет в г. Свердловске, а в г. Павлодаре, занималась торговлей. Я же совладельцем ее дела не был, и на ее средства не жил, так как имел свой заработок, работая, как кустарь-пиротехник, в городских садах и других культурных организациях. В личной жизни с моей бывшей женой Кл.Н. Востровой тоже у меня не было почти ничего общего, так как я не мог ужиться с ее: как идеологией, так и с ее взглядами, вследствие чего и развелся с нею»¹⁸.

Иван Иванович Авдюничев вину за занятие торговлей возлагал на отца:

«Во время своего учения я находился в очень тяжелых условиях как материальных, так и моральных, так как, живя в своей семье, у нас происходили частые ссоры с отцом, который всячески старался втянуть меня в торговлю, все делал упреки, что вот, мол, долго учился, долго находился на моем иждивении и т.д. Я, таким образом, рассчитывал так – чтобы поскорее закончить образование и уйти совсем от отца, потому что я думал заняться не торговлей, а общественно-полезным трудом... Я, было, пытался устроиться на службу куда-либо, но нигде не приняли как находившегося ранее на иждивении торговца. Когда я оказался без работы, то мне отец предложил так – или согласиться выбрать патент и помогать ему в торговле, или совсем уходить из дома. И мне тогда пришлось дать согласие выбрать на себя патент на торговлю Третьего разряда»¹⁹.

В процессе самоидентификации авторы использовали шаблоны, при этом доминируют архаичные представления о праведности тяжелого труда, связанного с материальным производством, напротив, торгово-посредническая деятельность, как лишенная этих признаков, дискредитируется или даже криминализируется. Показателен пример биографии Алексея Ивановича Свистунова. Вовлеченность в торговлю себя и своего отца он напрямую связывает с влиянием жен. Брак его отца с женщиной, занимающейся торговлей, предопределил занятие торговлей его отца, напротив, его брак с сиротой из рабочей семьи, повлек за собой отказ от торговли и возвращение себе «пролетарского первородства». Торговля из профессионального маркера превращается в словесный признак, передающийся «по наследству» или путем вступления в брак, по аналогии со статусом купца. А.И. Свистунов писал:

¹⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 1503. Л. 5.

¹⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 36. Л. 10.

«Отец мой, происходящий из семьи беспорного бедняка, имеющий сейчас 68 лет отроду, в молодости проработал на Каслинском заводе в кричном цехе 15 лет, после чего занялся крестьянством и, женившись на дочери торговца, вскоре (по словам отца) увлекся мечтами о наживе и стал помогать своей жене, моей матери, торговать мясом, одновременно занимаясь хлебопашеством. <...> Таким образом, отец жил до времени революции лет 10–12 занимаясь хлебопашеством и имея свой ларек, в котором мать моя торговала мясом. В первый же год революции мать моя умерла от сумасшествия, а отец снова занялся крестьянством с посевам от 3 до 8 десятин, имел 2 лошади, две коровы, плуг, бороны и дом, в котором жил. В революцию с белыми не бежал, а жил все время в заводе Касли, участия в революции не принимал. В июле 1926 г. отец, с вновь приобретенной женой, моей мачехой, решил снова торговать мясом, не уделивши никакого внимания на мои доводы и попытки разбить ихнее решение.

Но отец, будучи совершенно неграмотным, вскоре проторговался и в июле 1927 г. торговлю бросил, оставшись с одной лошадейю и одной коровой. Всего торговал, таким образом, за время после революции один год, имея патент третьего разряда. <...> Несколько раз [я] порывался уйти от отца, но моя старшая сестра, будучи в замужестве, всякий раз меня отговаривала, а ее советы я, своим детским умом ценил, так как во время ученья она мне материально помогала, и я от ней, в этом был зависим. Так я дожил до 1928 г., и учился уже на третьем курсе школы инструкторов по сельскохозяйственному машиностроению, и осталось учиться один год, и вдруг весной 1928 г. меня из школы исключили, как сына бывшего торговца. Таким образом, я был выброшен за борт, в то время как проучился одиннадцать лет в советской школе. <...> За это время я женился на сироте [Свистуновой Валентине Даниловне – А.К.], дочери рабочего и этим вошел в семью совершенно другую, чем та, в которой я провел проклятые годы своего детства. Один из моих свояков 25 лет проработал на производстве, другой – партизан-коммунист, два шурина – рабочие, оба честно отслужили в Красной армии. Вот с этим-то кругом я сросся и этих людей считаю близкими и своими»²⁰.

Еще один прием обращает на себя внимание. Авторами подчеркивалась ценность отдельных эпизодов их биографий, как реальных, так и потенциально возможных, но не случившихся, что позволяет маркировать эти характеристики как социально-значимые. Встречаются перечисления того, что могло произойти, могло быть сделано, но не произошло с гражданином (под судом не был, у белых не служил, наемный труд не использовал, с Колчаком не ушел, не спекулировал, не имел долгов по налогам и т.п.). Эту систему аргументации можно охарактеризовать как метод «от противного». Иван Прокопьевич Шумков писал:

«Прошу Комиссию Горсовета восстановить в правах гражданства Советской Республики, так как в настоящее время я числюсь лишенцем, потому что был мелким торговцем по третьему разряду как середняк и прощу принять во внимание, что я не контрреволюционер и кроме пользы для Сов[етского] государства ничего не делал, никогда не был под судом, а

²⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 7122. Л. 3–4 об.

также желаю продолжать служить и впредь для пользы СССР. <...> Если бы я знал, что за торговлю будут лишать прав гражданства, я бы не торговал, а доторговался до того, что не стало ни товара, ни денег, вообще я торговал не для накопления капитала, а лишь прокормить себя и мою семью; я Советский хлеб не заслуженный мною кушать не желаю и надеюсь загладить свою вину служебными делами перед Сов[етским] государством, особенно при выполнении плана пятилетки индустриализации страны я не должен сидеть сложа руки, хотя физический труд по слабости здоровья нести не могу, но по служебной части могу быть полезен для Сов[етского] Государства»²¹.

Стратегии реабилитации. Являясь инициаторами процесса восстановления в избирательных правах, бывшие торговцы выбирали оборонительные или наступательные стратегии для достижения поставленной цели. Абсолютное большинство выступало с «покаянием», не оспаривало обоснованности лишения избирательных прав и использовало уничижительные самооценки. Другие, напротив, активно отстаивали свою позицию, доказывая неправомерность лишения избирательных прав. В качестве аргументов ссылались на то, что частная торговля была разрешена, или что члены избирательной комиссии слишком вольно трактовали положения Инструкции о выборах, лишая прав тех, кто не должен был подпадать под эту санкцию (безработные, инвалиды, мелкие производители, сбывающие продукцию собственного производства и т.п.). Реабилитирующим обстоятельством, по мнению заявителей, могли быть неблагоприятные жизненные обстоятельства, а также желание повысить (точнее восстановить) уровень благосостояния как собственный, так и членов семьи после завершения экстремального периода (война, миграция, голод, болезнь). Декларирование негативной мотивации при занятии торговлей использовалось сторонниками как «покаянной», так и «наступательной» стратегии. Приводились примеры, когда лишение избирательных прав использовалось для сведения личных счетов, что переводило процесс из правового поля в сферу межличностных отношений. Авторы объединяет описание своей судьбы в трагических тонах, стремление вызвать сопереживание.

«Частная торговля, как говорится, зараза – заразился я...»²²; «Я соблазнился поторговать мукой и по глупости втесался в такое дело, но без своего капитала, которого не имел и не имею...»²³; «Из-за безработицы, моей молодости и отчасти глупости [заялся торговлей]»²⁴; «В настоящем мне везде закрыта дорога, мне трудно устроиться на работу, меня гонят, как самую последнюю заразу»²⁵; «Неужели если бы в тот период не было

²¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 9298. Л. 13.

²² ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 93. Л. 3.

²³ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 487. Л. 27.

²⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 2681. Л. 5.

²⁵ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 25.

такой ужасной безработицы я бы стал заниматься торговлей?»²⁶; «После чего состоял на учете на бирже труда, и ввиду невозможности в дальнейшем существовать я вынужден был пойти на преступление и начал торговлю»²⁷; «Я был принужден пойти на преступления начал торговлю и потерял свой авторитет и рабочий стаж»²⁸.

Спектр негативных оценок частной торговли широк – от «глупости» и «заразы» до «греха» и «уголовного преступления». Необходимо отметить, что частная торговля в 1920-е гг. была легальна, осуществлялась с санкции государства на основании патента и облагалась налогами (как регулярными, так и экстраординарными).

Авторы, ищущие справедливости, апеллируют к исторической памяти адресата, напоминают о той ситуации, которая привела к легализации частного предпринимательства и подкрепляют свою позицию ссылками (пусть и не всегда точными) на нормативно-правовые акты. Основанием для обращения в избирательную комиссию Павла Ивановича Батуева, которому на момент написания заявления было 70 лет, по всей видимости, явилось ограничение в гражданских правах его детей, в т.ч. двух сыновей, которые служили добровольцами в Красной армии. Возможно, что в процессе написания заявления активное участие принял кто-то из сыновей, максимально заинтересованный в восстановлении в правах своего отца. В заявлении П.И. Батуева говорится:

«Наши молодой союз находился в периоде возрождения, что было важнее – крепить оборону страны или же сидеть сложа руки? Правительство обратилось к населению за помощью. Совет Народных комиссаров, если Вы еще не забыли то, издал приказ об организации кустарного промысла, была разрешена частная торговля. Ведь в тот период как раз кооператива еще не было, а районные лавки еле дышали. Создавались на правах конкуренции лавки различных организаций.

В тот период правительство не говорило об избирательных правах, тогда избирательных прав лишались только "бывшие люди". И действительно, когда я принимал участие в торговле, то я не был лишенец, а когда стал работать, то меня лишили избирательного права. Я совершенно не чуждый элемент – я принимал участие в торговле только лишь в силу нужды, а это разрешается на основании п. "ж" § 16 Конституции РСФСР [точнее, "Инструкции о выборах..." – А.К.]. § 18 Конституции РСФСР говорит, что даже бывшие помещики восстанавливаются в избирательных правах, если они имеют пятилетний трудовой стаж.

Меня интересует, для чего же существует Конституция – неужели для того, чтобы ее обходить? В конце концов, я всю свою жизнь трудился и никогда в жизни не занимался тем, что могло бы повлечь на мою репутацию. <...> Недаром великий вождь пролетариата т. Ленин сказал, "что наши законы очень хороши, лучше их ни одно какое бы угодно ни было республиканское правительство не выдумает, но вся беда в том, что в

²⁶ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 26 об.

²⁷ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 2082. Л. 5–5 об.

²⁸ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 6995. Л. 13.

большинстве случаев, этими законами не умеют пользоваться, не правильно их применяют". Разве не правдивы слова Ленина!? Какая разница между Конституцией и жизнью? Следовательно, наши законы в жизни еще нереальны. Лишение избирательного права лишает моих детей возможности и учиться, и работать. Отец лишен и по наследству лишаются избирательного права и дети. Я хочу еще работать, а мои дети, которые в трудные минуты для Советского правительства были добровольцами в Красной Армии – имеют полное право на жизнь»²⁹. И далее: «Своим лишением, я приношу позорное имя своим сыновьям»³⁰.

Еще один пример наступательной стратегии находим в заявлении Ивана Дмитриевича Беседина:

«Как государственные, так и общественные платежи и повинности выполняю без замедления, считая, что аккуратность моя в платежах должна служить на пользу нашему государству. И вот по своему мнению, торгуя мясом, я считаю, что не вред приношу государству, а скорее пользе и одновременно удовлетворяю потребности населения, ибо если не я, то все равно кто-нибудь другой занялся бы этим делом. При том в торговле моей участвую только я один, наемных рабочих я не имею и думаю, что торговля моя есть подсобный промысел в хозяйстве и лишать меня за это права голоса безрассудно»³¹.

Ряд заявлений, содержащих подробные биографические данные и аргументированную позицию автора, настаивающего на необходимости восстановления, производят сильное впечатление, поскольку написаны на высокой эмоциональной ноте. В качестве примера приведем текст обращения Василия Ивановича Лагуткина, торговавшего в 1921–1930 гг. книгами по патенту третьего разряда:

«Работая в книжном деле, я все-таки был совершенно спокоен, так как начал его в самый расцвет вновь строящегося государства, которое нуждалось в сбыте этой продукции, и я являлся наилучшим проводником: календарей, букварей, учебников, портретов и др. культурно-просветительных товаров, внося этим просвещение в массы, работая на рынке, что считалось для крестьян более подручным. <...> Исходя из вышеизложенного, я имею право претендовать на ту обиду, которая наносится мне к концу ликвидации частной торговли вообще: лишившись своего дела, а также и средств, находившихся в моем распоряжении, я естественно должен где-то работать, но и этой прелести я как лишенец получить нигде не могу. Несмотря на то, что мной сделаны попытки работать не только по своей специальности, но и по другим видам работ, где меня как лишенца снимают с работы. Скажите, какое преступление мной сделано? И заявляю, если я действительно являюсь преступным элементом, отдайте под суд и если заслужил, то расстреляйте. Это будет лучшая расплата за свой грех, чем быть манекеном и быть заживо погребенным в тот момент, когда есть работа и нужны люди. Еще раз настоятельно

²⁹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 14–16 об.

³⁰ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 556. Л. 27.

³¹ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 7. Д. 221. Л. 3–4.

Приведем фрагмент из личного дела Серафимы Александровны Килиной. Оговоримся, что основанием для лишения ее избирательных прав явилось не занятие торговлей, а нахождение на иждивении мужа – священника. Помимо автобиографических данных, автор приводит детальное описание всех бюрократических процедур, которые ей пришлось пройти в борьбе за восстановление в избирательных правах. Подробно излагая все этапы рассмотрения своего дела в разных инстанциях, она приводит прямые цитаты из практики общения с руководством Пермского леспромхоза, из которого была уволена с должности бухгалтера как «лишенка». Пространное и последовательное изложение материала, использование литературных приемов объясняется тем, что С.А. Килина получила хорошее образование и работала учительницей. В своем заявлении она приводит следующий диалог:

«Тогда Седухин [парторг Пермского леспромхоза] говорит, что Паспортная комиссия дала вам паспорт незаконно и ее нужно отдать под суд, что есть такие близорукие люди, которые не знают, что делают и что подписывают <...> А Лежнев [начальник спецсектора Пермского леспромхоза – А.К.] продолжает: Завтра же мы вас вычеркиваем из членов Союза, увольняю вас и занесем в трудовой список, что вы уволены как лишенка.

Я говорю: Что это с вашей стороны мой смертный приговор? Если я не имею права работать у вас, то не имею права работать нигде, а если не имею права работать, то не имею права и жить.

На эти слова мне Седухин говорит: Так что же многие бросались в Каму, когда им не давали паспорт.

На это я им ответила: Нет, товарищи, в Каму я не брошусь, у меня дети, ради которых я живу и все свои средства и свои знания, как бывший педагог, я прилагаю к тому, чтобы воспитать [их] полезными гражданами, мои дети лучшие ударники школы № 6, активные работники, для них я должна жить и буду добиваться правды. Я никого никогда не обманывала и думаю, что Горсовет разберет это дело, дайте мне только срок выяснит в Горсовете мое положение»³⁴.

Нисходящая социальная мобильность. Занятие торговлей приводило к изменению социального статуса индивида в политико-идеологической системе координат. Можно говорить о двухступенчатой нисходящей мобильности: первоначально производитель (рабочий, крестьянин) становился торговым посредником («спекулянт»), а затем лишался избирательных прав, переходил в категорию «неполноправных свободных». Падение было стремительным, напротив, восстановив свой статус, реабилитироваться было намного сложнее, «восходящая социальная мобильность» требовала больших затрат времени и сил.

Диктатура, используя механизм террора, дискриминируя отдельные социальные группы (в т.ч. бывших торговцев) преследовала несколько целей. Помимо устрашения всего населения, репрессии позво-

³⁴ ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 6. Д. 3287. Л. 19–21 об.

ляли перенаправить внимание дискриминируемых групп с будущего на прошлое. Вместо отстаивания своих прав, требований привести в соответствие их экономический и политический статус, человек стремился вернуть то, что потерял, восстановить status quo, возратить себе утраченное, включиться в сконструированные для него социальные рамки, стать «как все», реабилитироваться. Даже несовершенно и оцениваемая первоначально как ущербная социальная модель поведения становилась желанной, к которой «лишенец» стремился. Таким образом, биографии бывших торговцев демонстрируют отрицательную социальную динамику или социальную статику.

Ликвидация многоукладности приводила к изменению социальной структуры общества. Автономность личности в условиях советской России, как минимум, оказывалась проблематичной. Говорить о подлинной самостоятельности можно только при наличии собственной экономической базы, автономного источника материальных благ, например, в рамках натурального, мелкотоварного или частнособственнического укладов. Проблема существования «замкнутого круга частного сектора хозяйства», которая активно обсуждалась в 1928–1929 гг., продемонстрировала стремление властей ликвидировать частный сектор, в котором видели угрозу советскому строю, напрямую связывали его с контрреволюцией³⁵.

Стремление восстановить свои гражданские права было предопределено не только социально-политическими, но и экономическими причинами. Пока доход, извлекаемый из торговой деятельности, позволял обеспечивать себя самостоятельно, более высокие моральные и материальные издержки (в т.ч. связанные с лишением прав, неучастием в выборах и более высокими затратами на самообеспечение, приобретение товаров на рынке, более высокой арендной платой, повышенным уровнем налогообложения) признаются допустимыми. Как только торговля не позволяет покрыть издержки на содержание себя и иждивенцев (возрастают материальные издержки, а доходность падает), либо степень легальности торговли стремится к нулю или появляются альтернативы на рынке труда, то усиливается стремление прекратить торговлю. С ликвидацией многоукладной экономики исчезали альтернативы для самозанятости, а статус «лишенца» являлся препятствием для получения работы в обобщественном секторе.

Материалы биографий частных торговцев и предпринимателей демонстрируют тенденцию, при которой наиболее активные в экономической сфере индивиды дискриминируются в политическом плане, превращаются в маргиналов. В этой связи можно говорить о негатив-

³⁵ Килин 2016.

ной с точки зрения прав и свобод личности, самой возможности ее автономного существования, социальной селекции.

В раннесоветском обществе доминируют патрон-клиентские отношения, культивируется патернализм со стороны государства, насаждается повсеместный, тотальный контроль над гражданами, в т.ч. и через систему распределения. Эти обстоятельства создают условия, при которых частные предприниматели вытесняются из легальных хозяйственных связей, а затем либо исчезают совсем, либо пополняют ряды представителей теневого сектора экономики.

Автобиография как средство реабилитации

На основе анализа личных дел граждан, возбуждивших ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей, можно сделать следующие выводы относительно роли автобиографии как средства реабилитации.

Автобиографические данные являются системообразующими как для формирования дела, так и для самой процедуры восстановления.

Структура делопроизводственной автобиографии задана не только хронологией (включающей историческую, биографическую и «торговую» сюжетные линии), но и нормативно-правовыми актами, регулируемыми процедуры лишения и восстановления в избирательных правах. Анализ автобиографий «лишенцев» подтверждает вывод о том, что «“историзация” индивидуальной памяти (воспоминаний) наблюдается в двух формах: во-первых, придание индивидом социальной значимости автобиографическим событиям своей жизни; во-вторых, увязывание индивидуальной автобиографии с социально значимыми (“историческими”) событиями»³⁶.

Автобиография была призвана продемонстрировать лояльность Советской власти, при всей условности и неопределенности этого термина. Адресат текста был известен (члены избирательной комиссии) и его содержание должно было в той или иной мере соответствовать его ожиданиям. - Автобиография могла строиться на различных стратегиях («оборонительной», «наступательной»), при этом традиционная для жалоб и более выигрышная с точки зрения просителя позиция приобретала форму «покаяния». Как правило, в автобиографиях драматизируется период занятия торговлей, сама торговая деятельность демонизируется, приравнивается к преступлению.

Аргументация авторов строится как на рациональных (ссылка на нормативно-правовые акты), так и эмоциональных основаниях (апелляция к чувству справедливости, революционной сознательности). По косвенным данным можно сделать вывод о том, что членами избирательной комиссии решение принимается по формальным основаниям.

³⁶ Савельева, Полетаев 2005. С. 188.

Восстановление в правах рассматривается как процесс социализации, предполагает отказ от автономной экономической активности, по возможности наиболее полное включение в систему производственных и социальных институтов, относящихся к обобществленному сектору.

Наличие в личном деле «лишенца» автобиографии в виде отдельного документа демонстрирует социальную и политическую зрелость автора, более высокий уровень его образования. Автобиографии всегда написаны самостоятельным, с более детальным изложением различных сюжетных линий. Отметим, что высокое качество автобиографического материала отнюдь не гарантировало благополучного исхода дела для заявителя.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / П. Бергер, Т. Лукман. пер. с англ. Е. Руткевич. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
- Бухарин Н.И. Партия и оппозиция на пороге XV съезда партии. Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП (б) 26 октября 1927 г. // Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. 497 с.
- Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе / А. Гершенкрон; науч. ред. А.А. Белых; пер. с англ. А.В. Белых. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2015. 536 с.
- Государственный архив Свердловской области (ГАСО), Фонд № Р-88. Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Оп. 6, 7, 8.
- Зарецкий Ю. П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М.: Новое литературное обозрение, 2011. 384 с.
- Килин А. П. Мобилизационная экономика в борьбе с «замкнутым кругом частного сектора хозяйства» // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 56–63.
- Килин А. П. Торговое предпринимательство в России на рубеже эпох. // Социально-историческая история / Под ред. Э.С. Кульпина. Вып. 6. Материалы исследовательской программы «Генезис кризисов природы и общества в России» и Четвертой международной научной конференции «Человек и природа – проблемы социально-исторической истории». М., 1995. С. 35–48
- Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 632 с.
- Петти В. Экономические и статистические работы. / В. Петти. пер. с англ. под ред. М. Смит. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1940. 324 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // *Феномен прошлого* / Ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: ГУ–ВШЭ, 2005. С. 170–220.
- Субъективность и идентичность: автобиографии советских трудящихся [Электронный ресурс] // Научно-учебная группа междисциплинарных исследований автобиографии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (дата обращения: 11.07.2017)
- Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 2. Д. 77. Государственные информационные сводки Тобольского Окружного отдела Объединенного Государственного политического управления Уральской области (22.01.1924–27.12.1924)
- Ball, Alan M. *Russia's Last Capitalists: The Nephews, 1921–1929*. Berkeley: University of California Press. 1990. 222 p.

REFERENCES

- Berger P., Lukman T. (1995) Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sociologii znaniya. [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge] / P. Berger, T. Lukman. per. s angl. E. Rutkevich. 323 p. Moscow: «Medium». (In Russian)
- Buharin N. I. Partiya i oppozitsiya na poroge XV s'ezda partii. [Party and opposition on the threshold of XV Congress of the party] Doklad na sobranii aktiva Leningradskoj organizatsii VKP (b) 26 oktjabrja 1927 g. // Buharin N. I. Izbrannyye proizvedeniya. M., 1988. 497 s. (In Russian)
- Gershenkron A. (2015) Jekonomicheskaja otstalost' v istoricheskoy perspective [Economic backwardness in historical perspective] / A. Gershenkron; nauch. red. A. A. Belyh; per. s angl. A. V. Belyh. 536 p. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANHiGS. (In Russian)
- Gosudarstvennyy arhiv Sverdlovskoj oblasti (GASO) [State Archive of the Sverdlovsk region]. F. P-88 – Ural'skiy oblastnoy ispolnitel'nyy komitet sovetov rabochih, krest'janskikh i krasnoarmejskikh deputatov. [The Ural regional Executive Committee of Soviets of workers, peasants and red army deputies.] (In Russian)
- Zareckij Ju. P. (2011) Strategii ponimaniya proshlogo: Teorija, istorija, istoriografija. [The strategy of understanding the past: Theory, history, historiography] 384 p. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
- Kilin A. P. (2016) Mobilizatsionnaja jekonomika v bor'be s «zamknutym krugom chastnogo sektora hozjajstva» [Mobilization of the economy to combat the "vicious circle of the private sector economy"] // Magistra Vitae: jelektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arheologii [Magistra Vitae: the electronic journal for historical Sciences and archaeology]. № 1. pp. 56–63. (In Russian)
- Kilin A. P. (1995) Torgovoe predprinimatel'stvo v Rossii na rubezhe jepoh. [Commercial business in Russia at the turn of the eras.] // Socioestestvennaja istorija / Pod. Red Je. S. Kul'pina Vyp.6. Materialy issledovatel'skoj programmy «Genezis krizisov prirody i obshhestva v Rossii» i Chetvertoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii «Chelovek i priroda - problemy socioestvennoj istorii» [The materials research programme "the Genesis of the crises of nature and society in Russia" and the Fourth international scientific conference "Man and nature – the problem socialisterna history"] Moscow: 1995. pp. 35–48. (In Russian)
- Narskij I. V. (2001) Zhizn' v katastrofe: Budni naselenija Urala v 1917–1922 gg. [Life in disaster: Everyday life of the population of the Urals in 1917–1922 years] 632 p. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN) (In Russian)
- Petti V. Jekonomicheskie i statisticheskie raboty. [Economic and statistical research] / V. Petti. per. s angl. pod red. M. Smit. M.: Gosudarstvennoe social'no-jekonomicheskoe izdatel'stvo, 1940. 324 s. (In Russian)
- Savel'eva I. M., Poletaev A. V. (2005) «Istoricheskaja pamjat'»: k voprosu o granicah ponjatija ["Historical memory": on the borders of the concept] // Fenomen proshlogo [The phenomenon of the past] / Red. I. M. Savel'eva, A. V. Poletaev. Moscow: Gosudarstvennyy universitet - Vysshaja shkola jekonomiki.. pp. 170–220. (In Russian)
- Sub'ektivnost' i identichnost': avtobiografii sovetских trudjashhihsja [Subjectivity and identity: autobiography of Soviet workers] (2014) / Nauchno-uchebnaja gruppa mezhdisciplinarnyh issledovaniy avtobiografii. [Research and study group for interdisciplinary studies of autobiography]. National research University - Higher school of the Economics. Moscow. URL: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (accessed: 11.07.2017) (In Russian)
- Centr dokumentacii obshhestvennyh organizacij Sverdlovskoj oblasti [The Center of documentation of public organizations of Sverdlovsk region] (CDOOSO). F. 4. Op. 2. D. 77. Gosudarstvennye informacionnye svodki Tobol'skogo Okruzhnogo otdela Ob'edinennogo Gosudarstvennogo politicheskogo upravlenija Ural'skoj oblasti [State news reports of the Tobolsk District of the Department of joint State political administration of the Ural region] (22.01.1924–27.12.1924) (In Russian)
- Ball, Alan M. (1990) Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929. Berkeley: University of California Press. 222 p.

Килин Алексей Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления Уральского федерального университета им. Первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург); Alexey.kilin@urfu.ru

**Autobiography as means of rehabilitation:
on materials of personal records of ‘lishenets’**

In the early Soviet society, the tool of discrimination on the basis of professional activity was disfranchisement of the citizens who were engaged in trade. Occupation of a legal form of activity resulted in the descending social mobility of the individual, and the need for rehabilitation was the urgent need, a condition of survival of the dealer and members of his family. A personal record of ‘lishenets’ was the result of documenting of process of restoration in electoral rights. The analysis of office work autobiographies contained in personal records allows not only to recreate a social portrait of the person of that period, but also to reveal unique, sometimes tragic episodes of biographies of people who were fated to live during ‘an era of changes’.

Keywords: New Economic Policy, Urals, electoral right, restriction of electoral rights, personal record, autobiography, business owners, trade, social mobility, rehabilitation

Alexey Kilin, PhD (History), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg); Alexey.kilin@urfu.ru